***

Н. Рыленкову

Не беда, что иногда
Даже снег бывает чёрным, –
В поле тихом и просторном
Он сияет, как звезда.

Время вновь летит стрелой,
«Как ты жил?» – себя мы спросим.
Всё случайное отбросим,
Всё никчёмное долой!

Среди лета и зимы,
Возле нас и в отдаленье
В самом главном проявленье
Мир рассматриваем мы.

Ценим более всего
Во вселенной – бесконечность,
В человеке – человечность,
В утре – света торжество.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Н.И. РЫЛЕНКОВА

Передо мной два письма из разных уголков нашей страны, от совершенно разных людей о впечатлениях от поэзии Рыленкова.

I. 1/XII-60 г.

Дорогой Рыленков!

Прочел Ваше стихотворение из 90 стихов в «Советской России» «Лев Толстой» и пережил радость за Вас и за всю нашу поэзию.

Можно – с некоторым риском – сделать вывод, что Вы понимаете или чувствуете, что такое Толстой. Если так, то Вы вступаете в новый период творчества. Я продолжаю следить за развитием нашей литературы и, в особенности, за стихами, но Вас проглядел. У

меня лежит № 10 «Невы». Там прочёл 5 стихотворений – последние два свидетельствуют о Вашем человеческом достоинстве – это редкость.

Не уверенный в своем оптимизме, я прошу Вас написать о себе самое существенное. В частности, Вы «кормитесь» стихами или пишете по потребности души?

Мне бы хотелось Вам быть полезным: я – словесник-пенсионер, преподаватель средней школы с 1905 (!!!). Мне 79 лет. Из писателей современных считаю наиболее приемлемым Паустовского – в прозе и недавно умершего Заболоцкого – в стихах.

Но и тот и другой – середняки.

Пишу это для того, чтобы облегчить Вам решение вопроса – отвечать мне или нет.

Во всяком случае – Ваш отклик на дату 20/XI-60 исключительно яркое явление. По существу – уникальное – пока.

Ваш доброжелатель

пенсионер, 79 лет.

Адрес мой:

г. Днепродзержинск,

соцгород Менделеева, 48, кв. 8

Пенсионер С.В.К.

P.S.

Для ответа мне, как в любви, требуется интуиция.

II. 12/IX 1962 г.

В редакцию художественного литературного издательства «Советская Россия»

Среди имен современных нам поэтов почему-то до сих пор я не знала Николая Рыленкова, и удивляюсь, как это могло получиться.

И вот сегодня я нашла в библиотеке книжку его стихов.

Эта маленькая книжка с тенью рябиновой ветки на сиреневой обложке явилась мне как открытие.

Никогда еще я не читала таких хороших настоящих лирических стихов, написанных нашим современником.

Н. Рыленков – настоящий национальный русский поэт: сквозь каждую страничку его стихов я вижу знакомые картины нашей природы и жизни; его стихи родные.

В них искренность и цельность чувств, свежесть образов. Они являются продолжением русской классической поэзии: где-то рядом с его стихами всё время чувствуешь то Пушкина, то Тютчева, то Фета, то Есенина... И вместе с тем у поэзии Рыленкова своя атмосфера и свой облик без тени подражания: в ней задушевность русской народной песни, то предельная ясность, зримость её образов, то скромность игры её намёков.

Я уверена, что поэзия Н.И. Рыленкова должна войти в золотой фонд национальной русской литературы.

С уважением, Л. Титова.

Московская обл.,

Ногинск, Красный электрик

д. № 41, кв. 7

Титова Людмила Владимировна

Казалось бы, о чем могут поведать нам письма, кроме того, что заставило этих людей взяться за перо?

В данном случае – донести до автора стихов своё отношение к ним. Однако в письмах, как и любом письменном источнике, всегда присутствует время, и они являются объективными свидетелями эпохи. Отправители писем, вольно или невольно, дают тонкую и точную характеристику времени – того времени, когда удовлетворение духовных потребностей народа провозглашалось одной из первоочередных задач. Но так ли было на самом деле? Каким образом хотелось разрешить эту задачу?

Совершенно очевидно, что письма написаны людьми начитанными, образованными, любящими поэзию и разбирающимися в ней, с выработанным литературным вкусом и в то же время далеко не удовлетворенными уровнем поэзии в стране. Они задаются одним и тем же вопросом – как они могли пропустить такое неординарное явление в поэзии, как Рыленков?

Действительно, как? Ведь поэт активно работал уже более четверти века (если считать с момента выхода первой книги «Мои герои» в 1933 г.). Издавался не только и не столько в Смоленске, но и Москве, печатался, хотя и не очень часто, но достаточно регулярно, в центральных журналах и газетах.

А причина элементарно проста – мизерные тиражи поэзии на такую огромную страну, каким был тогда Советский Союз. К примеру, тираж некоторых книг Николая Ивановича: «Август» (изд-во «Советский писатель», 1958 г.) – 5000, «Лирика» («Советская Россия», 1958 г.) – 82000, «Стихотворения» (Малая серия библиотеки поэта, «Художественная литература», 1964 г.) – 20000. Единственным исключением была библиотека журнала «Огонёк» (Издательство «Правда»). Маленькие книжечки карманного формата выходили еженедельно тиражами приблизительно 100000. И в тоже время спрос на хорошую поэзию был велик. Но не он определял предложение, а идеологические доктрины партии.

В стране, как считалось, был дефицит бумаги. Почему – не известно. Сырья для неё было более чем достаточно. Думаю, что одной из причин того, на мой взгляд, искусственного дефицита на художественную литературу было колоссальное издание политической, особенно разнообразных брошюр, которые, несмотря на пропаганду, не спешили покупать, они залёживались, списывались, оказывались в макулатуре.

Жесткий контроль за духовной жизнью общества приводил к чудовищным перекосам и в сфере культуры: вал антихудожественной литературы – это не только брошюры с материалами съездов, пленумов, конференций и т.д., но и антихудожественные произведения на «злобу» дня, о которых хорошо сказал А.Твардовский в рабочих тетрадях: «Тема, материал, вернее название (заглавие) темы стало иметь почти решающее значение («Свекла»!). Мы забыли слова Белинского о том, что прежде чем говорить об идейной направленности, нужно решить вопрос: да точно ли оно художественное произведение». А. Твардовский не назвал конкретных авторов и их произведения. Поэтому позволю себе привести примеры таких «шедевров»: «Весна в «Победе» (1948) и «Колхоз «Большевик» (1947) Н. Грибачёва, «Стряпуха» и «Стряпуха замужем» А. Софронова, «Хлеб – имя существительное» М. Алексеева и т.д.

Тиражи поэзии были, как правило, значительно меньше, чем прозы и зависели от положения автора в табели о рангах.

Часто многие поэтические сборники не доходили не только до небольших населенных пунктов, но и крупных городов. А если и попадали туда несколько экземпляров, то

они не могли удовлетворить читательский спрос ни по количеству, ни по качеству книг, так как лучшие книги оседали в Москве, Ленинграде и некоторых других городах. Поэтому основным источником для знакомства с новыми стихами были публикации в периодической печати – газетах, литературных журналах. Хотя встретить в них настоящие стихи можно было отнюдь не часто. А затем уже заинтересованные люди начинали поиски книг авторов этих стихов в библиотеках и магазинах.

Путь длинный и не всегда успешный. Я это очень хорошо помню, т.к. даже папа не всегда мог купить то, что хотелось, хотя знал, что, где и когда должно выйти из печати.

Он получал множество писем с просьбой прислать его стихи или подсказать, где можно заказать или купить сборники. Показательны в этом отношении письма сафоновских шахтеров, трепетно относившихся к его творчеству, в которых рассказывалось, что двухтомник стихов Рыленкова, взятый из библиотеки, ходит у них по рукам, что купить его новые книги невозможно, следят за его стихами по публикациям в областной газете «Рабочий путь», за что и благодарят её. И это письма с родной для Рыленкова Смоленщины. А что говорить о более отдалённых местах? Вот письмо из Анадыря:

«Москва, 1-ая улица Ямского поля, 28.
Редакция журнала «Смена»

Уважаемые товарищи!

Не зная адреса поэта Николая Рыленкова, я решил обратиться с просьбой, о чём прошу известить автора.

На стр. 10 вашего журнала №15 за 1957 год напечатаны стихи Рыленкова «Лирика». Всего их три – без названия, под звездочками.

Передайте поэту Николаю Рыленкову моё восхищение, вызванное первым его стихотворением, начинающимся словами

«Опадает с яблони
Белый цвет,
Что-то друга милого
Долго нет». ...

Редко встретишь такую жемчужину в стихотворной куче однообразных серых камушков.

Побольше бы таких стихотворений – тогда бы наша советская литература достигла такой высоты, на которую поднялись Пушкин и Лермонтов, Шекспир и Гёте.

С искренним приветом читатель вашего журнала

Ив. Протасов

Анадырь, редакция газеты «Советская Чукотка»
6/IX-57 г. И.С. Протасов»

Итак, письмо из Днепродзержинска от пенсионера С.В.К., имевшего великое счастье, будучи уже взрослым, застать живым гиганта русской культуры и осознать его непреходящее значение.

Толстого знала вся Россия, даже в затерянной лесной деревушке Алексеевка, откуда был родом папа, все почитали удивительного графа-мужика, который знал и уважал крестьянский труд, сам умел пахать и был для них носителем правды.

Для передовой интеллигенции второй половины 19 – начала 20 века (к которой принадлежал и молодой С.В.К.) Толстой был учителем жизни. Об этом хорошо сказал А.М. Горький в 1912 году: «Старый русский писатель был поистине учитель жизни, верным и душевным другом своего читателя, великомучеником торжества правды ради, апостолом свободы»...

Папа знал, любил и почитал большой круг русских и зарубежных писателей: Тургенева, Достоевского, Гоголя, Чехова, Бунина, Горького, Ромена Роллана, Стефана Цвейга, Хемингуэя и многих других. Но «богом» для него был только Лев Николаевич Толстой.

С.В.К., скорее всего, почувствовал, насколько глубоко, тонко и точно понял Льва Николаевича Рыленков, и удивился этому, поскольку до этого такого отношения к великому писателю он не встречал в советской литературе.

Имя Толстого, как и имя Горького было хорошо знакомо папе с самого раннего детства, а сам читать стал его народные рассказы в начальной школе. Потом время пришло для повестей и романов. Хорошо представлял и облик писателя, его большой портрет висел над столом в небольшой комнатке первой и любимой учительницы Ольги Михайловны Моисеенковой.

У одного из грамотных односельчан – Афанасия Васильевича Ломаченкова (по-моему, дальнего родственника папы) была небольшая библиотечка. Книги ему подарили друзья ученые-лесоводы, когда он служил лесником и даже получил медаль за хорошую охрану леса. Запомнил папа особенно хорошо 2 из них – «Беседы о русском лесе» Дм. Кайгородова и томик народных рассказов Л. Толстого.

Папа так описывает отношение этого сельского философа к Льву Николаевичу: «Именно от него я впервые услышал сказку великого писателя земли русской об Иване-дураке, Семёне-воине и Тарасе-толстобрюхане. Я до сих пор вижу, как, подняв на лоб стариковские очки в железной оправе, тыча пальцем куда-то в угол, он произносил последние слова этой сказки: «У кого мозоли на руках – полезай за стол, а у кого нет – тому объедки». Вот. Это сказал не кто-нибудь, а сам граф Лев Николаевич...».

И хотя Толстого он всегда называл графским титулом, но говорил о нём как о своем брате – умственном мужике, который видит на три аршина в землю.

Мне кажется, в глубине души он считал, что в графья его Лев Николаевич вышел из мужиков, иначе бы не мог так глубоко смотреть в землю. При всём этом толстовцем он не был и глубоко преклонялся перед всякими учёными людьми, казавшимися ему новыми магами и волшебниками.

Полюбив Толстого очень рано, папа всю жизнь не переставал удивляться не только могучему таланту, но и необыкновенному масштабу его личности: всё в нём потрясало и вызывало глубокое уважение. При остром дефиците времени Толстой принадлежал к тем немногим писателям, которых он перечитывал многократно и мог цитировать практически дословно. Он знал не только всё написанное Львом Николаевичем, но и то, что было опубликовано о нём.

На всю жизнь запомнил папа, как подростком читал повесть Льва Николаевича «Казаки». Вот как пишет об этом в статье «Свет немеркнущий»: «Не все, что я читал, одинаково ложилось на душу, но то, что ложилось, ложилось навсегда. И сейчас, думая о своих

любимых писателях, я непременно вспоминаю, где и когда по-настоящему подружился с ними.

Лев Толстой вызывает в моей памяти весенний луг на опушке леса, куда я ходил с моими двоюродными братьями вырубать кусты. В кармане у меня лежала взятая на несколько дней у приятеля повесть «Казаки». И всякий раз, когда, намаявшись с топором, братенники ложились отдохнуть, я открывал книжку. Так и прочитал её всю под шум только что одевшегося леса, под кукование первой кукушки».

Так о чтении мог написать только поэт.

В годы моей школьной юности существовало твёрдое правило – все основные литературные произведения (по программе) должны быть прочитаны в период летних каникул, т.к. в учебном году это было практически невозможно.

Пример тому – роман «Война и мир». К каждому уроку по этому роману мы получали большой перечень вопросов и заданий, выполнить которые без чтения произведения никто бы не смог. Иногда затруднительно было на них ответить и читавшим. Даже не из-за сложности, вопросы были достаточно простыми, а большого объема романа. Я редко прибегала к помощи папы, т.к. усвоила с малолетства, что ему нельзя мешать, когда работает за столом, да и нас приучили самих разбираться в своих заданиях. Но иногда приходилось. Папа моментально находил нужные места в романе, в диалоге мы выясняли все необходимые мне вещи (он никогда не транслировал готовый ответ в одностороннем порядке, а всегда выяснял, что я знаю и как понимаю вопрос). Вообще у нас часто в минуты отдыха (это как правило было за долгими воскресными обедами) возникали разговоры о Толстом, и, я бы сказала, они велись не только о его творчестве, но и духовном облике Льва Николаевича, его поступках, воззрениях. Он был папиным богом. Иногда я пыталась оспаривать какие-то черты поведения или взглядов Льва Николаевича. Но доказать их неверность не могла и прибегала к аргументу – раз всё так правильно у Толстого, то почему же ты, как он, не отказываешься от мяса и не ешь «рисовые котлетки»? Папа никогда на мои реплики не обижался и с доброй, слегка виноватой улыбкой отвечал: «Да я бы хотел. Но как-то у меня не получается».

Не только в России, но и за рубежом высоко оценивали творчество Л.Н. Толстого. Так Стефан Цвейг в книге о Толстом писал: «Его проза стоит среди всех времён в наши дни извечной, безначальной, непреходящей, как сама природа»... А Ромен Роллан считал, что для него «Война и мир», «Анна Каренина» и «Смерть Ивана Ильича» дороже всех великих произведений французской литературы.

В 1960 году исполнялось 50 лет со дня смерти Л.Н. Толстого (20 ноября). Пришло время сказать о Толстом так, как мог тогда только Рыленков.

Для папы это было время дальнейшего расцвета таланта, когда лирика, соединённая с высокой духовной культурой и мудростью, давала возможность выразить сокровенные глубины русской философской мысли.

Папа считал своим первостепенным долгом не только перед самим собой (а это для него было очень важно), но и народом, показать всё величие этого гиганта мысли и духа объективно, без идеологической шелухи, выделить главное, что останется в веках в духовном наследии мира.

В 1960 г. папа пишет статью и цикл из 5 стихотворений, и то и другое названо «Лев Толстой».

Приведу выдержки из статьи:

«Если при имени каждого подлинного художника перед нами возникает галерея созданных им образов, то имя Льва Толстого сразу открывает нам целый мир, огромный и удивительно разнообразный. Но при всём своём разнообразии, при всей своей широте – этот мир очень близок и понятен нам. Он наш, русский.

Он, как солнцем, озарён светом русской души, русской совести, беспокойной, ищущей правды – справедливости для всех.

Несравненный художник слова, создавший бессмертные произведения, которые будут стоять перед удивлённым взором поколений, как титанические сооружения, мыслитель, раздираемый глубочайшими противоречиями своего времени, он был велик даже в этих противоречиях и заблуждениях...

Творчество Льва Толстого оказало огромное и благотворное влияние на мировую литературу, наметив совершенное новые, неизвестные до него пути развития строго-реалистической и в то же время высоко-поэтической, даже лирической прозы, позволяющей сочетать показ будничных мелочей повседневной жизни и тончайших движений человеческой души, картин мировой природы и картин исторических битв народов, причем живущие в его романах массы людей никогда не заслоняют собой отдельного человека».

Статья не вошла ни в одну из вышедших книг папы. Нет её и в вырезках из периодической печати (газетах, журналах). По-видимому, она чем-то не удовлетворила автора, возможно, что по ряду причин он не мог высказать в полной мере то, что хотел. Так или иначе, но ему ближе в данном случае оказалась стихотворная форма для краткой и глубокой характеристики гения Толстого.

И он избрал для этого форму сонета. Строгая чёткость сонета позволила отсечь всё несущественное, что не было присуще писателю, а приписывалось ему теми или иными идеологами, и высветить то, что подняло его на недосягаемую высоту в мире. Цикл состоял из пяти сонетов. Написаны они 5-15 июня 1960 года, но впервые напечатаны в газете «Советская Россия» в день смерти Л.Н. – 20 ноября. На эту публикацию и обратил внимание папин корреспондент из Днепродзерджинска.

Что касается стихов, напечатанных в № 10 журнала «Нева» за 1960 г. и которые, по словам автора письма, говорили о человеческом достоинстве поэта, то это было действительно редким явлением для советских поэтов. Но для папы такие стихи – не единичные случаи, их много, и число неуклонно увеличивалось год за годом, т.к. они были очень органичны для его медитативной лирики.

Вот эти стихи:

I. О чём ни пой – почувствует народ,
Где зов души, где суетная мода.
Под звёздами родного небосвода
Он, как журчанье родниковых вод,
Услышит всё: заветной мысли ход
И трепет сердца, ищущий исхода.
Ему сродни нельстивая природа,
И громких слов не примет он в расчёт.

1960 г.

II. Все до поры до времени копим
Мы в сердце сокровенные богатства,
Но час придёт – с соперником любым
Мы в щедрости сумеем потягаться.

Разделим всё, что накопить смогли,
С душой, что нам откроется, однажды,
Чтоб вместе пить сладчайший хмель земли
Губами, пересохшими от жажды.

Чтоб вместе слушать шум лесов и рек,
Смотреть на звёзды, облакам дивиться,
Поняв, что счастье ищет человек
Лишь для того, чтоб с кем-то поделиться!

4–5 апреля 1960 г.

И ещё одну малоизвестную сейчас информацию о времени можно извлечь из посланий С.В.К. и Людмилы Титовой – редакции всех печатных изданий (газет, журналов, книжных издательств) обязаны были реагировать на письма читателей – отвечать на заданные вопросы или переправлять их авторам публикаций. Бывали случаи, если в письмах затрагивались какие-то интересные или значимые для читателей вопросы, по просьбе редакций авторы могли отвечать на них публично. Так, например, папа ответил на письма, присланные ему в журнал «Советский воин» статьёй «Разговор о таланте».

Не существуй этого хорошего правила для редакций – связывать читателей с писателями, – мы бы лишились значительной части объективных свидетельств эпохи и тем обеднили бы и жизнь людей как того, так и нашего времени, т.е. нашу историю, какие-то нити были потеряны.

Действительно, весьма значительная часть писем была получена таким путём. Послание таинственного пенсионера попало в папины руки, скорее всего, из отдела писем «Советской России», хотя и не исключено, что из журнала «Нева».

В архиве Рыленкова оно оказалось единственным. Возникает вопрос: почему? Ведь автор письма, хотя и очень деликатно, давал понять, что хотел бы продолжать переписку. То, что папа ответил на письмо, не вызывает сомнений. Во-первых, у него было твёрдое правило отвечать на присланные письма независимо от их содержания, чувств, которые вызывали, отношения к литературному творчеству и т.д. Во-вторых, оно было интересно Рыленкову, поскольку касалось личности Толстого и в нём чувствовалось глубокое понимание его значения для культуры России. Письмо было умным, тонким. Кроме того, С.В.К. был современником Льва Николаевича, вполне возможно даже знал его лично, и поскольку хотел быть полезным, то мог иметь какие-то малоизвестные материалы или помнить какие-то интересные факты из литературной жизни в дореволюционной России. Во всяком случае это был высокообразованный человек, который много знал, и с ним было бы интересно вести переписку. А главное, было сходство в отношении к Толстому.

Жаль, очень жаль, что переписка не состоялась. Я думаю, что папа отправил в Днепродзержинск не только письмо, но и одну из своих последних на то время книг. И тут возможны два варианта событий: 1) Папино письмо затерялось, и С.В.К. не получил его, а повторно написать без разрешения не мог по своим этическим соображениям. 2) Могло случиться что-то с самим пенсионером (ведь он был весьма преклонного возраста).

Так, возможно, что-то довольно существенное ускользнуло из истории литературы нашего времени. А ведь часто очень важны какие-то детали, штрихи, позволяющее взглянуть и оценить события, людей и их поступки с иной, непривычной стороны или точки зрения.

Я не знаю, много ли сейчас найдётся бескорыстных читателей (хотя убедилась, что они есть), которые, ничего не требуя для себя лично, счастливы поделиться своей радостью, вызванной чтением тех или иных произведений, чувствами, которые они пробудили в них, не только с друзьями, но и авторами и издательствами.

К таким людям относится и Л.В. Титова. Конечно, это иная читательница. Она просто констатирует своё понимание и отношение к поэзии Рыленкова, радуясь, что есть такой поэт в стране, достойный продолжатель великих традиций русской поэзии со своим особым голосом.

Формально можно подумать, что письмо это отклик на обращение издательства к читателям – присылать отзывы о книге. А фактически – это сказанное от всего сердца спасибо автору, стихи которого удивили и восхитили читательницу. Но это также и благодарность издательству за столь неординарную книгу стихов, стихов необходимых для сердца и ума.

Людмила Владимировна в своём письме кратко и очень метко определила суть поэзии папы, его особенность и значение как настоящего национального поэта.

Книжечка «Лирика» вышла в серии библиотека «Художественной самодеятельности» (№ 11) издательства «Советская Россия». Отсюда и довольно большой (по тому времени) тираж – 82000. Автор составил её как своего рода избранное, включив стихи от 1926 до 1957 года, т.е. за 31 год. И хотя сборник предназначался для довольно специфического использования, но в нём можно проследить основные характерные черты творчества поэта. Вошедшие в книгу стихи показывают, как рано начала складываться его лирика, как, не отступая от выбранного пути, росло и оттачивалось его мастерство. В ней есть стихи по всем основным направлениям творчества поэта – русская природа, русское искусство, русская история.

Письмо не предназначалось для передачи автору, но в редакции посчитали это необходимым. Так оно оказалось в архиве Рыленкова, который, естественно, поблагодарил читательницу за внимание к его стихам.

Кстати сказать, аналогичный отзыв папа получил из г. Львова от пенсионерки Е.Н. Гейгеровой:

«6 марта 1961 г.

Николай Иванович!

Я далека от современной поэзии. Всё, что встречается – кажется поделками (да простят мне молодые поэты). Старики же почти растеряли свой творческий дар. Поэтому дорога мне «Снежница», как плод зрелых размышлений, как свидетельство неиссякаемого родника русской поэзии и, скажу по секрету, ещё и потому, что всё в ней без лести

и тенденциозности. Оказывается, что можно обходиться без этого, если карандаш твой, как ветка «тополиная»... «Стареть не стыдно» – просто прелесть (совсем уже сантименты). Вы поэтично сказали то, что звучит во мне последние годы.

И ещё спасибо за моего земляка Есенина!»

Папа полюбил Есенина ещё будучи учеником Тюнинской школы. Там в библиотеке он нашел маленькую книжечку его, а затем в 8 классе прочёл привезённую из Москвы студентами (перепечатанную на машинке) «Москву кабацкую».

В 1965 г. была двойная дата, связанная с Есениным, – 70 лет со дня рождения и 40 лет – гибели. Папа написал в том году 2 стихотворения, посвящённых Есенину – «Памяти Есенина» и «Поэт», а также статью – «Несказанное, синее, нежное». Статья затем вошла в цикл «Слово о Есенине», в котором ещё 3: «Становление большого поэта», «Открытое сердце поэта» и «Живой Есенин» (последняя посвящена сборнику воспоминаний).

Письма создают как бы портрет поэта (писателя) глазами читателей, они повествуют и о времени, в котором жили, показывают, что искали думающие люди в литературе и насколько эта литература отвечала их духовным потребностям.

В письмах идёт речь о различных этапах творчества, и они свидетельствуют, что поэт шёл своей дорогой, намеченной в юности, сумел в трудном пути не потерять себя и сохранить «человечью гордость» и достоинство.

Н.И. РЫЛЕНКОВ

СТИХИ

***

Опадает с яблони
Белый цвет.
Что-то друга милого
Долго нет.

Я, встречая на поле
Свет-зарю,
На дорогу дальнюю
Посмотрю.

А дорога дальняя
Широка,
А над ней крылатые
Облака.

Вся она исхожена,
Вся она изъезжена
Без него.
Нет и нет прохожего,
На него похожего,
Нет и нет прохожего
Моего.

Как увижу издали –
Позову,
Рядом посажу его
На траву,

На колени голову
Положу,
Как я тут ждала его,
Расскажу.

Сколько счастья-радости
Впереди!
Где ж ты, долгожданный мой?
Приходи!

Знаю, друг без друга нам
Счастья нет...
...Опадает с яблони
Белый цвет.

1936

***

Стареть не стыдно. Все стареют люди.
Постыдно стать унылым ворчуном,
Бояться непогоды за окном,
На звезды глядя, думать о простуде.

Не видеть сказки в облачке ночном,
Махнуть рукой на все мечты о чуде...
Стареть не стыдно. Все стареют люди.
Постыдно стать унылым ворчуном.

1964

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

Он был твой верный сын, о Русь,
Певец березового ситца,
И радость нес тебе, и грусть,
Всё, что в твоих просторах снится.

Как колокольчик золотой,
Он звонкой песней захлебнулся.
Так не кляни его за то,
Что на крутом пути споткнулся.

Он жил, одной тобой дыша,
И, пусть смежил до срока веки,
Его певучая душа
С тобой останется навеки.

1926, 1965

ПОЭТ

Снова настежь распахнуты сени,
Дует в дудку весны соловей.
Снова легкой походкой Есенин
По России проходит своей.

Нет ни горькой, ни сладкой отравы,
Все заклятья, все чары сняты.
Веют свежестью юности травы,
Пахнут первой любовью цветы.

Всеми росами Родины вымыт,
Забияка и сорванец,
Знает он, что поэзия – климат,
Лучший климат для душ и сердец.

Не пугаясь моторного лая,
Держит песню весна на крыле.
Всё живущее благословляя,
Он идет по зеленой земле.

Вот они, те просторы родные,
Где когда-то он рос под межой,
Где его научила Россия
Петь и плакать с открытой душой.

И за верность напевам заветным,
Для которых и грусть не беда,
Он останется тридцатилетним,
Молодым, как рассвет, навсегда.

Снова настежь распахнуты сени,
Дует в дудку весны соловей.
Снова легкой походкой Есенин
По России проходит своей.

1965

СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

Н.И. Рыленков

В первом году революции, когда к художественному слову потянулись люди из самых глубин народной жизни, Валерий Брюсов во вступительной лекции по курсу стихотворной техники говорил: «Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни потратил. Каждый, или почти каждый за редкими исключениями, может, если приложит достаточно стараний, научиться стихотворству и достигнет того, что будет писать вполне гладкие и «красивые», «звучные» стихи. Но такие стихи не всегда – поэзия».

Один из самых мастеровитых русских поэтов, Валерий Брюсов резко разграничивал поэзию и версификаторство. Вкус, позволяющий безошибочно различать их, надо воспитывать с детства, во всяком случае со школьной скамьи. Мы мало заботимся об этом, и не потому ли у нас чуть ли не каждый юноша, научившийся кое-как рифмовать строчки, уже мнит себя поэтом и спешит выступить в печати со своими творческими заявками.

Настоящие поэты не любят выспренних слов. Их никогда не покидает чисто юношеская стыдливость. Они остерегаются произносить слово «творчество», и дело, которому подвижнически служат всю жизнь, отдавая ему самые лучшие силы души, часто называют ремеслом.

Первая большая русская поэтесса Каролина Павлова писала еще в середине прошлого века:

Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло:
Моя напасть! Мое богатство!
Мое святое ремесло!

В наше время Марина Цветаева лучшую книгу свою назвала «Ремесло». Среди наиболее зрелых стихов Анны Ахматовой есть цикл «Тайны ремесла». А Ярослав Смеляков в эпиграфе к своей «Книге стихотворений» поставил слова:

Мне в общей жизни в общем повезло,
Я знал ее и крупно и подробно.
И рад тому, что это ремесло
Созданию истории подобно.

Главное в судьбе поэта – сопричастность к историческому творчеству народа. Поэтому-то он в прозаическое слово «ремесло» вкладывает особый смысл. Его ремесло – именно святое, то есть такое, которое требует подвига. Там, где нет подвижнического понимания своего призвания, – не может быть и поэзии. Там мы имеем дело с версификаторством, то есть с ремесленничеством в дурном смысле слова.

И когда заходит речь о все шире разливающемся стихотворном потоке, грозящем захлестнуть читателя, надо различать – где подлинная поэзия и где версификация.

Поэтические произведения, отмеченные печатью святого ремесла, всегда найдут своего читателя, которому он нужен как воздух, как хлеб и вода. Поэтому, как все подлинные духовные ценности, они не подвластны законам инфляции. Создание таких ценностей нельзя нормировать, а тем более искусственно ограничивать. В наше время для удовлетворения своих эстетических потребностей человек стремится иметь как можно больший выбор.

Другое дело – поделки версификаторов. Их появление на свет вызывается не особой чуткостью к духовным потребностям народа, а событиями внешнего порядка и веяниями моды. Поскольку за ними стоит не подвиг, не судьба, а только расчет и умение, они могут появляться в любых количествах и по любому поводу. Они-то и создают тот стихотворный паводок, который вызывает тревогу у любителей поэзии и заставляет говорить об опасности инфляции поэтического слова.

Версификаторство – явление отнюдь не новое. Оно во все времена сопутствовало высокой поэзии как ее подобие. При свойственном ему облегченном подходе к решению волнующих читателей задач и расчете на внешний эффект, оно не раз опережало и затмевало высокую поэзию. Случалось, что мастера версификации на какое-то время заслоняли собой даже великих поэтов. Но заслоняли очень ненадолго. В. Бенедиктова, например, некоторые его современники считали выше Пушкина, но выступил Белинский – и наваждение рассеялось. Иногда случается, что болезнь версификаторства поражает и настоящих поэтов. Так случилось, на мой взгляд, с К. Бальмонтом после шумных успехов его первых книг. Этот виртуоз стиха стал жертвой той обманчивой легкости, с которой, как ему казалось, он получил власть над словом. Попав сам под власть инерции, он так и не смог до конца преодолеть ее, повторяя на все лады «перепевные, нежные звоны». Его стихотворение «Ветер, взморье, вздохи ветра» стало классическим примером бездумной, а потому бессмысленной звукописи.

В нашей поэзии версификаторство представляется мне одним из последствий упрощенного подхода к некоторым проблемам психологии творчества на известном историческом этапе.

С тех пор как революция развеяла все мистические туманы, окружавшие с древних времен поэзию, у нас была проделана огромная и плодотворная работа по созданию

новой эстетики, эстетики трудового человека. Но не обошлось дело и без серьезных издержек.

К таким издержкам я отношу незаметно укоренившееся представление, что если в поэзии нет ничего божественного, значит, поэтом может стать всякий, кто пожелает.

Эта иллюзия, от которой предостерегал Брюсов, поддерживалась высказываниями некоторых мастеров поэзии, в пылу увлечения утверждающих, что стихи делаются так же, как и всякие другие вещи. Вдохновение, как нечто неуловимое, граничащее с мистикой, сбрасывалось со счетов, а понятие мастерства сводилось к сумме технических приемов. Отсюда шел и вульгарный утилитаризм, требовавший, чтобы стихи делали сталь. Этот упрощенный подход к проблемам поэтического творчества давным-давно преодолен, изжит, но порожденная им иллюзия оказалась более живучей. Развеять ее может только эстетическое воспитание молодежи, в котором не последнюю роль должна сыграть и литературная критика. По примеру Белинского она должна не только утверждать подлинные ценности, но и разоблачать фальшивые. Версификаторство по самой своей сути является заменителем поэзии, но заменить ее оно не может, так как ему нечем утолить жажду сердца читателя. У него нет той живой воды, искать и находить которую – удел поэта.

Свои заметки я начал цитатой из Валерия Брюсова, закончить их мне тоже хочется ссылкой на этого мастера.

В девятой книжке «Аполлона» за 1910 год он писал: «Как и большинству людей, и мне кажется полезным, чтобы каждая вещь служила определенной цели. Молотком следует вбивать гвозди, а не писать картины. Из ружья лучше стрелять, чем пить ликеры. Книга поваренная должна учить приготовлению разной снеди. Книга поэзии... Что должна давать нам книга поэзии?»

На этот вопрос в разные времена отвечали по-разному, но поэты по пушкинскому завету всегда считали своим гражданским долгом «Глаголом жечь сердца людей». Именно в этом их святое ремесло.

А что касается версификаторства, в цивилизованном обществе и ему найдется полезное применение. Оно должно, в конце концов, стать особым родом прикладного искусства, таким же, как уже давно существующая прикладная живопись.

НАШЕ РЕМЕСЛО

Может быть, среди ремесел трудных
Нет трудней, чем наше ремесло.
В нем всё то, что в праздниках и в буднях
Радостью и горем сердце жгло.

Отдели себя от них, попробуй!
Разве запах отделим от трав,
Разве есть рецепт на тот особый,
Чувства очищающий состав?

И твердим мы всем, кого взманила
Легкая удача: «Не спеши!»
Мы перо макаем не в чернила,
А в крутой отстой на дне души.

Сколько нас подстерегает подлых
Мелочей – соблазнов и обид,
Но ведь ремесло поэта – подвиг,
Ставший бытом, чтоб возвысить быт.

Чтобы, если не на ветер бросил,
Слово в каждом сердце проросло.
Потому-то средь земных ремесел
Всех счастливей наше ремесло.

1958

***

Слух музыканта, зренье живописца
И память следопыта нам нужны,
Когда велим мы в слове воплотиться
Всему, что нам дарят цветы и птицы,
Обвалы гроз и клады тишины.

Но от листа не оторвется слово,
Под радугой строка не запоет
Без искорки того огня живого,
Что всё в душе преображает снова,
Неповторимый смысл всему дает.

1962

***

Всё в матерьяле ясно кустарю,
Он знает, что начать, с какого краю.
А я из плоти собственной творю,
Я сам себя, как матерьял, кромсаю.

О, сколько раз я кровью истекал,
Сгорал и восставал на пепелище,
Чтоб, выйдя из магических зеркал,
Двойник мой жил смелей меня и чище.

Меня друзья и близкие простят,
Идущие всю жизнь со мною рядом,
За то, что отвечал им невпопад,
Смотрел на них отсутствующим взглядом.

Я за терпенье их благодарю,
Но, если надо, – всё начну сначала.
Завидовать не стану кустарю,
Чтоб под конец душа не заскучала.

1962

***

Что творчество?
Та раскаленная печь,
Где мастер,
Во имя земной любви,
Обязан сначала
Себя обжечь,
Потом обжигать
Творенья свои.

1968

***

Ты – всех земных цветов мозаика,
Дочь тишины и грома музыка.
Ты в сердце каждого прозаика
Найдешь и друга и союзника.

В тебе – исканья мысли трезвые
И вдохновенья взрывы смелые.
Ты праздник нам даришь, поэзия,
Живое дело жизни делая.

1963

РУССКИЕ МУЗЫ

Наши русские музы любимцам своим не прощали
Ни погони за славой, ни бегства в пустынный приют.
Потому-то они и идут с нами в дальние дали,
Как бессонная совесть, о долге забыть не дают.

1964

***

Пока не брызнет та живая влага,
Что может смыть с души осадок лет,
Ты мученик. Истерзана бумага.
Ночь не отступит, не придет рассвет.
Но этих мук, которым равных нет,
Ты не отдашь ни за какие блага.

1965

***

Вдохновенью нужно терпенье,
Лишь оно в берега введет
Этот шумный водоворот,
Это яростное кипенье,
Даст ему уходиться в пене,
Чтобы волны не шли вразброд,
А друг дружку гнали вперед.
Вдохновенью нужно терпенье,
Но терпенье без вдохновенья –
Только даром пролитый пот.

1966

***

И.С. Соколову-Микитову

Мой старый друг – писатель и охотник,
Когда однажды у него спросил я:
«Что для художника всего важнее?» –
Попыхивая трубочкой, сказал:

«На твой вопрос давно народ ответил.
Ты помнишь сказку старую, конечно.
Лежит убитый витязь в чистом поле,
И воронье уж собралось на пир.

Тут серый волк, его хранитель верный,
Вдруг изловчился сцапать вороненка
И ворона – всезнающую птицу –
Послал за мертвой и живой водой.

За мертвой и живой. Ты вникни в это.
Чтоб тело, что разрублено на части,
Срослось, чтоб раны затянулись, надо
Его водою мертвой окропить.

Но тело душу обрести не может,
Пока его живой водой не сбрызнут.
А упадет хоть капля – витязь сразу
Вздохнет и молвит: «Как я долго спал!»

Вот так и в нашем деле всё творится.
Без мертвой и живой воды нельзя нам.
А что важнее – спорить бесполезно.
Не зря ключи их в сказке рядом бьют».

1967

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ЛЕРМОНТОВА

«Люблю отчизну я, но странною любовью!» –
Сказал поэт. И впрямь, любовь его была
Такой, что, вопреки людскому суесловью,
На ней, как на костре, он сжег себя дотла!

1964

НА СМЕРТЬ АННЫ АХМАТОВОЙ

И лесть и клевета –
какие это крохи,
В сравненье с бременем
святого ремесла,
Для той, что на ветру
под грозами эпохи
Честь наших русских муз
так высоко несла.

1966

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ПАСТЕРНАКА

Ты не притча
и не причуда,
Не прибежище
и не профессия,
Ты всегда –
ожидание чуда,
Потому-то ты
и поэзия.

1966

БЕССМЕРТИЕ

Что я? Сосуд скудельный, горстка праха?
Нет, я зерно, живая связь времен.
Гром топоров и колокольный звон
Я помню от княженья Мономаха.

За мной судьба недаром шла, как сваха,
Стрелой ужален и копьем пронзен,
Я падал в битвах, попадал в полон,
А хлеб мой рос, и пряла лен мой пряха.

Мне на Москве за бунт грозила плаха,
Отходную читал мне дьяк-неряха,
А я всё жил, жил со всего размаха,
Кормя Россию и шатая трон.

И верил я, что в руку будет сон.
Сто раз истлела на плечах рубаха,
Пока я снова в муках был рожден,
И потому – гляжу вперед без страха,
С родной землей навеки обручен.

1967

РЫЛЕНКОВ РОДНИКОВЫЙ

Владимир Приходько

Худого слова о нем я не слыхал. Ни от кого. «Добрая душа» – называется посмертная книга воспоминаний, стихов, статей. Верно. Очень подходит.

Николай Иванович Рыленков родился 2(15).2.1909 в Алексеевке Рославльского уезда Смоленской губернии. 90 лет назад. А умер в Смоленске 30 лет назад: 23.6.1969. Считается, что представлял «смоленскую школу» поэзии. Рядом с Твардовским и Исаковским.

Думаю, никакой такой «школы» на самом деле не было. И крестьянским поэтом Рыленкова я бы не называл. Да, он был сын крестьянина. Первыми учителями считал Кольцова и Никитина. Слышал их стихи многократно из уст отца. Но к фольклорному стиху, к крестьянской речи относился несколько отстраненно. Это видно по его стихам: «Под небом осенним, / То ярким, то мглистым, / Я вновь себя вижу / Студентом-лигвистом... / В краю моем Днепр / Ручейком начинался, / Колодец, как древле, / Колодезем звался / ... / Я слышал не лепет, / Не шум бестолковый, / А родины милой / Язык родниковый». Так смакуют народные словечки (колодезь) ученые-языковеды. Горожане. Дело в том, что уже в старших классах Рыленков стал запоем читать поэзию Серебряного века (как мы сейчас говорим). То есть модернистов. Он вспоминал: «Критикуя опыты своих друзей, я говорил, что настоящие стихи должны быть весомы, как у Брюсова, звучны, как у Бальмонта, ароматны, как у Бунина, искренни и задушевны, как у Блока и Есенина. Про себя я был уверен, что добьюсь этого сочетания».

Среди перечисленных имен нет – не сомневаюсь, что по цензурным сложностям того времени – любимицы Рыленкова Ахматовой. Нет Гумилева. Константин Поздняев, десять лет редактировавший «Литературную Россию», где Рыленков состоял в редколлегии, недавно рассказал мне, как Николай Иванович однажды увидел у него фотографию Гумилева. И попросил подарить.

Еще в отрочестве Рыленков познакомился и с новейшей европейской лирикой. Признавался: «Особенно поразил меня Рембо. Его «Париж заселяется вновь» стало одним из самых любимых моих стихотворений, так же как «Аннабель Ли» Эдгара По, как «Карусель» Рильке».

Рыленков вспоминал: в дни войны, когда Смоленск на глазах превратился в руины, он, уходя добровольцем на фронт, захватил с собой антологию современной мировой поэзии, изданную в Киеве в 1912 году, избранного Гейне и третий (прижизненный) том

лирики Блока. Хранил эти книги в полевой сумке на всех дорогах войны. По-брюсовски написал о себе: «Я внес в твой мед, мой Днепр, мой Борисфен, / Эллады аромат и горечь Рима».

Популярная песня на его слова «Ходит по полю девчонка» – это, конечно же, стилизация. Сознательная.

Признаюсь: не встречал таких знатоков поэзии, особенно отечественной классики. И всё наизусть, наизусть. С Рыленковым мог бы посоперничать только Семен Липкин, знающий (с юношеских лет на память) никитинского «Кулака». Или поэму Случевского «В снегах».

Он никогда не был за границей. Говорил, что заполнять и отдавать анкету особистам невыносимо.

Говорил, что ему достаточно России.

В нем не было шовинистической дури. Он написал про Исаака Левитана: «Меж русскими, быть может, самый русский, / Ты словно память детства нам сберег / И пруд забытый с мельницей-раструской, / И ветхий дворик, и туманный стог. / ... / Пусть в трудный час витии записные / придут к тебе, чернильный яд струя, / И перьев их вонзятся острия / В твою тоску. Исчезнут тени злые, / Как сына, осенит тебя Россия. / Сама Россия, родина твоя!»

Стоит перечитать родникового Рыленкова. В том числе автобиографическую прозу: «Сказка моего детства», «Мне четырнадцать лет». Перечитать, чтобы понять, что отошло в историю, а что – живо.

Я храню автографы Рыленкова. Книги, открытки. Мы познакомились незадолго до того, как в «Литгазете» 3.7.1968 появилась моя обширная статья о нем. Он позвонил, пригласил в гостиницу «Москва», где остановился. В том же году встретились в Коктебеле. Его «Коктебель», как многие другие стихи, имеет историко-литературную глубину. Рыленков слышал в морском шуме торжественный гекзаметр Эллады. Я в то лето тоже написал стихотворение «Коктебель». Сначала не мог напечатать, потом забыл. Здесь описано действительное происшествие. Можно сказать, роковое.

Гор загадочный покой
Слабо-розовых оттенков.
И сидит поэт Рыленков
С забинтованной рукой.
Велика, не велика
Боль его, но сон потерян,
Тихий человек растерян.
И на привязи рука.
Горькой горести дурман.
Надо ж было так случиться,
Что ему сломал ключицу,
Прыгнув в море, мальчуган.
Те же скалы, та же мель,
Той же шири величавость.
Но красивый Коктебель
Обесценила случайность.
Написать жене бы так,

Чтоб поменьше волновалась...
Утомление и вялость.
Солнце. Море. Карадаг.

Меньше чем через год Рыленкова не стало.

1999 год

Несколько слов об авторе статьи.

Владимир Александрович Приходько – поэт, критик, переводчик. Написал (насколько мне известно) три статьи о папе. Две из них еще при его жизни – «Пора страды» (Портрет писателя) и «А на утро новая дорога» (Таланты – детям). Первая опубликована в «Литературной газете» 30 июля 1968 года, вторая – в журнале «Детская литература» № 2, 1969 г. Третья написана к 90-летию папы – «Рыленков родниковый» (в разделе «Судьбы»), напечатана в газете «Московская правда» 17 февраля 1999 года.

Очень важно, что Приходько не только высоко ценил Рыленкова-писателя, но и его нравственный уровень, который не мог допустить участия в травле людей всегда и в годы репрессий в частности. Владимир Александрович опубликовал в «Московской правде» заметку, в которой документально подтверждалось, что Рыленков не подписывал клеветническую статью Горбатенкова об А.Т. Твардовском «Стих – это бомба и знамя». Статья эта была опубликована 14 апреля 1935 года, когда Рыленков проходил срочную военную службу – с ноября 1934 года по ноябрь 1935 года далеко за пределами Смоленска.

За все это ему огромное спасибо.

В статье Владимира Александровича есть небольшая неточность – отдыхали они с папой не в 1968, а в 1967 году. Об этом свидетельствуют письма самого Приходько. В присланном папе стихотворении «Коктебель» такое посвящение:

«Дорогому и доброму
Николаю Ивановичу
в память о коктебельском лете 1967 года
Вл. Приходько»

А в 1968 году ни папы, ни Владимира Александровича не было в Коктебеле.

И.Н. Рыленкова